

ВЛИЯНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ДИКТАТУРЫ НА ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ЗАВЕРШЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Терновая Елизавета Владимировна

студент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, РФ, г. Великий Новгород

Самойлова Ирина Васильевна

научный руководитель, канд. ист. наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, РФ, г. Великий Новгород

Развитие советского общества в 1921-1922 гг. является предметом исследования. В постсоветский период эксперты все чаще обращаются к вопросу повседневности в условиях продовольственной диктатуры. В основном эксперты обращаются к материалам архивов регионов России. Особенно следует выделить концепции И.Б. Орлова, В.А. Полякова, И.В. Нарского, которые анализируют разные аспекты повседневности советских граждан в условиях голода [1]. Историки в этом периоде исследуют процессы, связанные с влиянием политики большевиков на повседневность. В научном сообществе сегодня идут споры относительно связи продовольственной диктатуры с голодом в 1921-1922 гг. На примере Самарской области эксперты и охватившего этот регион голод историки учитывают состояние экономики региона, а также акцентируют внимание на тот факт, что регион в Поволжье является богатым, однако, в 1921-1922 гг. годы были неурожайными. Эксперты чаще всего связывают с голодом 1921 г., однако, отдельные архивные материалы указывают на явления полуголода в регионе, которые наблюдались в 1920 г [1]. Политика большевиков сводилась к насильственному изъятию продовольствия в деревне, что в дальнейшем привело к введению хлебного пайка для горожан. Это во многом было обусловлено неудовлетворительным ходом заготовок и необходимости выполнения плана отгрузки хлеба. Сокращение пайка существенно сказывалось на системе питания [2]. Например, систематические задержки выдачи продовольственного пайка для рабочих негативно сказывалось на задержке выплат заработных плат. В среднем по данным архива Самарской губернии в 1921 г. на семью приходилось 156 рублей, из которых 95% средств уходило на питание. Одной из насущных проблем становится отсутствие необходимого объема продуктов, которые изымались из деревни. Этого не понимали рабочие и другие категории горожан. Многие рабочие уходили из города на завод. По мнению историка Мирошника А.Н. Самарская губерния в 1918-1919 гг. была прифронтовой территорией, на территории которой было много комбедов и продотрядов, которые извлекали из деревни более 18 млн. пудов. Ученый указывает, что губерния давала стране 25 млн. пудов, из которых более половины насильственно изымалось. В каждой 5 деревне в условиях военного времени были созданы комитеты, которые осуществляли фактическую конфискацию [3].

На практике местные власти стремились перевыполнить план большевиков, иногда перевыполняя его на 125% в ущерб народу, принося в жертву народ. Нарушение принципа социальной справедливости, о которой говорили большевики существенно отражалось на отношении народа к происходящему. Многие горожане видели в политике большевиков обман, реквизицию. Голод наступил осенью 1920 г. и охватил отдельные деревни. В 1921-1922 гг. по данным статистики в Самарской губернии из 2,75 млн. голодало 2,6 млн. чел. Ужасы голода изменили жизнь обывателя и горожанина губернии. Только за год 1919 года голодало более 5,5 млн. чел. В архивных материалах сохранились заметки следующего характера: «Дети подбрасываются у дверей наробраза», поскольку из-за нехватки мест в детских домах не было возможности у родителей определить своей чадо на попечение государства» [4].

Известный представитель интеллигенции П. А. Сорокин описал пребывание в Самарской губернии таким образом: «Избы стояли покинутые, без крыш, с пустыми глазницами окон и дверных проемов. Соломенные крыши изб давным-давно были сняты и съедены. Погибших складывали в ящиках в амбаре. Социолог указывает, что дневной рацион сельского жителя не превышал 1/4 от нормы. Массовая смертность среди населения, людоедство были обычным явлением в некогда богатом регионе [5]. Люди искали разные способы выживания. Люди употребляли суррогаты: лебеду, просеянную солому и мякину, гороховую солому, лошадиный щавель, конопля, скотскую кожу. Повседневная жизнь сводилась к выживанию, поискам пищи в соседних населенных пунктах, занимались сбором зернышек в поле. В этот период фельдшеры отмечали частые вспышки дифтерии, заболевания катаром ЖКТ, малокровием и истощение до такого уровня, что люди терли сознание. Повседневность нередко сводилась к миграции в обеспеченные регионы. В упадок пришли проселочные дороги, сельские клубы становились преимущественно трибуной для выступлений большевиков. Многие горожане из-за систематических задержек выдачи пайков уходили в деревню для выживания, а некоторые мигрировали в Туркестанский край, Сибирь. Историки отмечают заколоченные на проволоку и гвоздь двери изб, оставляли огороды, распродавали за бесценок скот и богатство. Голод усиливал социальную дифференциацию. Многие жители меняли вещи на буханку хлеба, процветали спекулянты. Надежды многих людей связывались с помощью со стороны власти.

Таким образом, проблема повседневности в условиях затянувшейся гражданской войны и продолжающейся диктатуры в сфере продовольствия негативно отразились на мировосприятии реальности советскими гражданами. Действительно, голод существенно влиял систему ценностей в условиях военного времени. Мировосприятие формировало новые стереотипы поведения и отношения к реальности.

Список литературы:

1. Аншакова Ю.Ю. У нас не могут работать люди равнодушные: Работа Американской Администрации Помощи в Самарском округе в документах АРА (1921 1923 гг.// Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010.-№2,. С. 87
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-3. Оп. 233. Д. 1874. Л. 2-2об.; Ф.Р- 4. Оп. 1. Д. 1240. Л. 2; Д. 1320. Л. 124; Ф. Р- 130. Оп.1. Д.21. Л.1;
3. СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.266. Л.10, 35 об., 97, 124; Оп.1. Д.296. Л.88-89; ЦГАСО. Ф. Р-2669. Оп.1. Д.223. Л.67-67об. И др.
4. Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992. С. 138-139
5. Берг А. Питание населения Самары// Бюллетень статистического отдела Самарского губисполкома, 1927. -№3.- С. 14-17.